

Рождественский сюжет

На Новый год принято загадывать желания. Иногда самые невероятные, которые вряд ли сбудутся. И все же...

Моя подруга, актриса Ирина Бразговка, всегда с огромным увлечением относилась к фильмам Питера Гринуэя. При этом даже в самых утопических мечтаниях не думала о том, как хорошо было бы сняться у такого мэтра. Впрочем, быть может, и мечтала, но вслух никогда не произносила заветное.

А все случилось, как в рождественской сказке, когда Гринуэй обратился в новом фильме «Чемоданы Тульса Люпера» к образу славянской женщины. Приехал в Москву на кастинг. Ира Бразговка оказалась именно той актрисой, кого искал мастер.

Ирина Бразговка: После того, как я увидела его фильмы, Гринуэй вошел в число режиссеров, которые всегда вызывали во мне непреходящий интерес. Это Бергман, Иоселиани. К ним я присовокупила Гринуэя.

Когда я встречаюсь в искусстве со столь значимым, близким мне, я хочу познакомиться с автором, вернее, пообщаться с ним. Независимо от эпохи, в которую он жил. Так у меня было с Рембрандтом, Рерихом. Нечто подобное произошло с картинами Гринуэя. Конечно, я понимала, что никогда с ним не встречу, даже сначала не знала, где он живет.

Эльга Лындина: Что так волновало тебя в его фильмах?

И.Б.: Его умение заглянуть в невероятные человеческие глубины. Признаться, я всю жизнь занималась тем же по отношению к себе, пытаюсь себя узнать и познать. Но мне не дано написать об этом картину, сочинить музыку, снять фильм. А ему дано...

Э.Л.: Тебе никогда не было страшно от того, что он открывает в людях?

И.Б.: Для меня в этом не было ничего неожиданного. Его интересуют проблемы смерти и секса, главные для человека. Я о смерти думаю очень давно, с тех пор, как была маленькой и наблюдала, как в нашем дворе умирают люди, как их хоронят... Я даже хотела, чтобы кто-то умер в моей семье, чтобы пережить состояние потери. Потом я поняла греховность своих мыслей, стала бояться смерти. Прочла об этом много книг, со смертью не смирилась. Но уход в небытие остался навсегда темой моих размышлений. Я не думаю об этом каждый день и каждый час. И все же некое созвучие с Гринуэем я открыла, когда узнала, что он считает приоритетом проблемы смерти и любви.

У нас не было долгих откровенных бесед, тем более, что я не знаю английского, а он – русского. Но возникло ощущение, что мы поняли друг друга и между нами установилась связь. Вероятно, в силу этого, позже ему не приходилось объяснять мне мои задачи, я сразу знала, что нужно делать. К счастью, текста у меня было очень мало.

Э.Л.: Какие вопросы Гринуэй задавал тебе во время кастинга?

И.Б.: Кому-то они могли бы показаться странными, а для меня были абсолютно естественными. Спросил, кем я была в прошлой жизни? Кто я по призванию? Я ответила, что была колдуньей в средневековье, жила в Ирландии. И уже потом священником, тоже в Ирландии. Я верю в это...

Э.Л.: Знаю, мы не раз прежде говорили об этом...

И.Б.: Гринуэй спросил, где мне уютнее всего жить. «Нигде у нас», – сказала я. Но трудно не потому, что дома столько проблем. Просто это не мое время. Страна, где мне было хорошо – Англия, я недавно там была, когда снималась в фильме о княгине Дашковой. В Англии сложный менталитет, все непохоже на Россию, а мне было уютно... То же самое произошло со мной в Японии.

Э.Л.: А в Америке, когда ты жила там?

И.Б.: Очень удобная и очень чужая страна. Мне комфортно в странах старой культуры. Когда я назвала Англию, мне стало неловко: вдруг мистер Гринуэй подумает, что я так сказала, потому что Англия – его родина? Но он понял, что я не кривлю душой, и можно было не рефлексировать.

Э.Л.: Как долго вы беседовали?

И.Б.: Наверное, не более получаса. Помню, что время летело.

Э.Л.: Было ли предчувствие, что Гринуэй утвердит тебя?

И.Б.: Было ощущение попадания. То ли моего в его проект... то ли его в мою сущность... Я думала о том, что просто вот так все не закончится.

Э.Л.: Он рассказал тебе о своем проекте?

И.Б.: Вкратце. В фильме идет речь о некой аристократке. Она разорилась, все потеряла, в том числе и конюшню. Осталась одна лошадь, заменившая ей весь мир: семью, любовь, богатство, близких. По профессии она лингвист.

Э.Л.: А время действия фильма?

И.Б.: В нем несколько временных планов. Мы существуем в 1782 году и в 1946-м.

СК Колосов - 2002 - 27 дек - с. 13.

После кастинга я старалась забыть о нем. Не помнить. Не надеяться. Не мучиться ожиданием. Внушала себе, что надо радоваться состоявшейся встрече с Гринуэем. Пусть и без продолжения. Всегда ждешь, ждешь, ждешь праздника, он приходит. И он кончается... Словом, я стала подзабывать свой праздник. И вдруг мне сообщают, что я буду сниматься в картине... Полная неожиданность – и подтверждение моих тайных ожиданий.

Гринуэй приехал в Россию во второй раз, чтобы встретиться с wybranymi им актрисами. На этот раз наш разговор был конкретнее. Но снова необычные вопросы: в какой части дома я хорошо, естественно чувствую себя? «Ни в какой... Или мне везде одинаково хорошо. Или я могу совершенно свободно находиться вне дома – наверное, это самое органичное для меня состояние».

У меня есть маленький домик в деревне под Псковом. Я представила себе этот дом. Сажу на крыльце. Позади приоткрыта дверь, чуть-чуть поскрипывает. Вот самое прекрасное для меня состояние.

Для Гринуэя наш разговор был очень важен: он понял, какую функцию я могу нести в его фильме. И я стала носительницей интеллектуальной ипостаси героини.

Э.Л.: Вместе с тобой снимались Лариса Гузеева, Рената Литвинова, Кристина Орбакайте. Как вы связаны между собой в фильме?

И.Б.: Мы – единое целое. Рената Литвинова – главная героиня. Мы – ее лики, составляющие, слагаемые.

Э.Л.: Почему Гринуэй пригласил российских актрис?

И.Б.: Потому что героиня – славянка. Хотя могла бы быть, мне кажется, и перуанкой, и испанкой, и итальянкой. Но, насколько я знаю, Гринуэй интересуется сейчас Россия. Ему нравятся наши актеры.

Э.Л.: Где проходили съемки?

И.Б.: В Германии, в Лейпциге, все в павильонах. Мы должны были играть на английском, и я рьяно бросилась заниматься языком. Потом выяснилось, что будем говорить по-русски, весь текст прямо в кадре. Мне кажется, это верно. Русские актрисы – почему же играть на английском?

В результате все решилось очень по-гринуэевски. В нашу женскую компанию был введен конюх, его играл наш прекрасный переводчик Василий Горчаков. Прямо в кадре переводил наш текст, и это снималось.

Э.Л.: Вы обращались к какому-то герою?

И.Б.: К главному герою, но его с нами не было, мы не знаем, кто он.

Поначалу на съемках казалось: то, что мы делаем, могли бы сыграть и статисты, не обязательно было искать профессионалов. Тем более проходить для этого такой жесткий кастинг. Но – нет... Все это, конечно, актерская работа. В фильме много зарубежных звезд мирового уровня: Мадонна, Стинг, Гэри Олдмен. Они играют очень маленькие роли, просто эпизодики. И считают за честь для себя появиться даже вот так мгновенно в картине Гринуэя. Причем работают практически бесплатно. Нет адекватных для них гонораров.

Э.Л.: Бесплатно – потому что это Гринуэй?

И.Б.: Да.

Э.Л.: Сколько времени заняли съемки?

И.Б.: Две недели. Наши сцены – часть картины. Вся она состоит из трех фильмов. Мы, по-моему, из второго, точно сказать не могу. Может быть, из третьего...

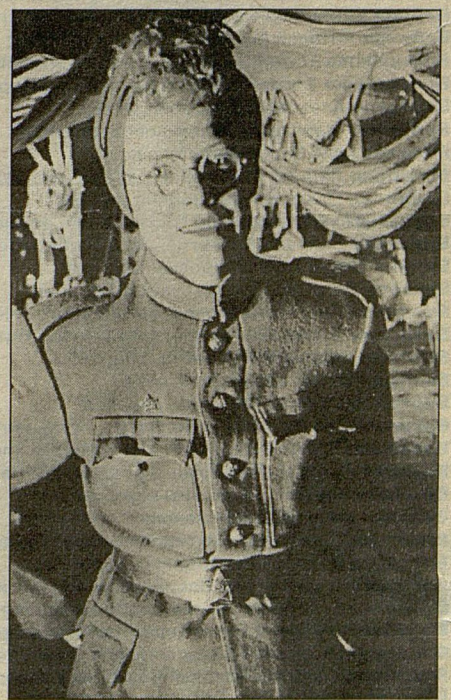
Э.Л.: Когда работа будет завершена?

И.Б.: Первый фильм будет закончен к следующему году. Он смонтирован. Будет на Каннском фестивале в 2003 году. Время действия этого фильма – 1938 год.

Э.Л.: А когда появится ваш фильм?

И.Б.: В лучшем случае, в следующем году. Или позже, я не знаю темпы работы Гринуэя.

Э.Л.: Тебе будет теперь трудно вернуться на наши съемочные площадки?

И.Б.: Нет. Уже много лет я живу параллельно. Гринуэй – так Гринуэй. Российский режиссер – так российский. Мне кажется, это снобизм – отказываться от каких-то предложений только потому, что я снялась у Гринуэя. Конечно, это очень высокая планка. Но ведь я живу дальше...

Беседу вела Эльга ЛЫНДИНА